

Наталья Рубанова

РУССКИЙ ДИССОНАНС

от Топорова и Уэльбека
до Робины Куртин

БЕСЕДЫ И ПРОЧТЕНИЯ
ЭССЕ, СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ
ИНТЕРВЬЮ-РОКИРОВКИ
ФИШКИ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Топорову, до востребования

RUSSIAN DISSONANCE
À LA PRESENT CONTINUOUS

Я не либерал, не консерватор,
не постепеновец, не монах,
не индифферентист.

Чехов

В предисловии к билингве «Letters to Robot Werther / Зашибись!»¹ переводчица определила тип моего письма как *Russian Dissonance*, он же *русский диссонанс*. Ювелирная работа американки, которую, как и меня, славянку, интересует музыка слова (в частности, одновременное звучание в тексте «несозвучных» тонов / смыслов или кластеров / суждений), а также возможность перевода «непереводимого» с русского на английский, заслуживает, особенно

¹ Наталья Рубанова. Letters to Robot Werther / Зашибись! / перевод Рэйчел Даум. – SLC, UT: Carrion Bloom Books, 2021. – 80 с. (Драма / Поэзия в билингвальном издании).

ныне, пресловутого отдельного исследования¹: но здесь и сейчас о другом.

В сборник «Русский Диссонанс», куда вошли мои избранные интервью и беседы с медиа- и просто персонами, эссе, статьи, рецензии и фишки разноформатных зим и лет, представляет собой именно это нарушение гармонии. Совмещение не совмещаемого. Тритон. Сожительство под одним корешком-одеялом полярных человекопространств, эстетических и порой этических – «на всякий роток не накинешь платок» – координат. Те самые параллельные прямые, которые, по законам начертательной геометрии, пересекаются лишь в бесконечно удаленной точке, здесь и сейчас странным образом совпали.

По иронии судьбы (E₂-ль-E₄ поймешь, для чего) автору этих строк довелось общаться с самыми «несозвучными», несоприродными друг другу персонажа-

¹ «У текстов Рубановой, литератора с классическим музыкальным образованием, свой характерный тон и тембр: когда Рубанова пишет, она использует звуки, чтобы “бросать ноты” вместо слов. Ее манеру письма отличает настойчивость в целенаправленном лоббировании диссонанса. Именно этот целенаправленный диссаккорд и удивляет читающего, создавая весьма своеобразный авторский стиль, и одновременно бросает вызов переводу: *может ли русский диссонанс работать на английском языке?* Один из способов, который Наталья Рубанова использует в своей работе, это смешение звуков: она заставляет их сталкиваться, вызывая подчас некие ассоциации с поэзией “русской зауми”» (Р. Даум). <http://www.rewizor.ru/literature/spetsproekty/knijnaya-lavka-revizora-ru/pisma-k-robotu-verteru-zashibis/?preview=true&fbclid=IwAR3UmxQ2mAujZ3IK-7rwn2GbHoPqIwENm0UOhg0gPhQarQF9RrutTBGwJkY>

ми (еще тот русский диссонанс), а также публиковать тексты о литераторах, которые при встрече предпочтут кивнуть стене, нежели коллеге-соггу-по-цеху, и будут как *правы* – так и *левы*. Именно поэтому в книгу вошли далеко не все записанные за много лет моей работы в литературной журналистике диалоги (второй том «Русского диссонанса», возможно, не за горами). Кое-что намеренно исключено из сборника, ибо бессмысленно и странно было бы транслировать ныне позиции экс-интервьюируемых «с особенностями этического развития»; ну а о ком-то я просто забыла.

Впрочем, где тот «цех» и та «стена»? И что может быть общего у Нарбиковой – с Яхиной? У Токаревой – с Топоровым? У Витухновской – с Камбуровой? Как писать про Лунгина, Урмаса Отта, Уэльбека, Кормильцева, etc., – и Кураева с досточтимой Робинной Куртин? Меж тем наша беседа с этой уникальной личностью замыкает первый блок сего томика, но размыкает ваше сознание, – и потому читайте книгу с конца первой части. После общения с буддийской монахиней, прошедшей огонь-воду-и-медные-трубы, задавать кому-либо вопросы представляется нелепым и, пожалуй, смешным.

Во втором разделе книги живет своей жизнью избранная эссеистика (есть и индийский *trip*, хотя травелогические – не мой конек: обычно не описываю частное пространство путешествий), а также как классические, так и в чем-то радикальные критические статьи + рецензии на книги, в свое время показавшиеся достойными внимания: в том числе мои точечные отзывы на

тексты одного из далеких уже «Нацбестов», который довелось жюри́ть с легкой руки В. Л. Топорова.

В третьем кластере интервьюер меняется местами с пресловутыми предыдущими ораторами: теперь уж сама Рубанова отвечает на вопросы тех, кому сколько-то любопытно то, что делает в литературе-да-около как она сама, так и соприродные ей писатели-и-другие-тоже-приматы.

Ну и «фишки», на посошок: для имеющих уши – ведь когда-то на самом деле жили-были король с королевой, ну а читать нельзя запретить.

Н. Р.

часть

I

БЕСЕДЫ
И ПРОЧТЕНИЯ

привет прекрасной эпохе

Ирина Печерникова¹

«НЕ НАДО ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ,
ЕСЛИ ТЫ ЗАМУЖЕМ ЗА ТЕАТРОМ»

При перепросмотре архивов неизбежно наткнешься на забытое: так нашлось и наше интервью с актрисой, сыгравшей прекрасную училку в «Доживем до понедельника» – фильме, которому более полувека, а он по-прежнему молод без пластики. Этому интервью много лет – *той жизни* нет в помине: мы будто б пережили пандемию и начали учить неоновейшие уроки истории, ну а тогда, в зазеркальном 2008-м, я пришла к Печерниковой домой. Жила она в тихом переулке у *Красных Ворот* – на пороге меня встретила маленькая сухая женщина-девочка в длинном

¹ И. Печерникова (1945–2020) – актриса театра и кино, заслуженная артистка РСФСР. Больше всего снималась во второй половине 1960-х и в 1970-е.

бархатном халате, совершенно не похожая на волоокую «богиню» из всем известной ленты Ростоцкого. Вместо положенного часа проговорили четыре. Горели свечи. Печерникова раскрывалась не сразу, приходилось вскрывать в ней слой за слоем, слегка сламывая еле уловимое сопротивление: это и казалось самым интересным... в финале она подвела меня к своей любимой иконе. Впрочем, интервью порезали, а журнал «Культпоход», в котором оно было опубликовано, канул в Лету.

Остался текст (в этой книге – публикация без купюр), тире между датами 1945–2020 и томик с автографом Ирины Печерниковой «Дожила до понедельника» в шкафу.

* * *

Наталья Рубанова: *Наверное, вопрос «любили вас Высоцкий / Тихонов / Даль / Смоктуновский?» задавали вам не раз и не десять; именно поэтому я и не хочу касаться сей темы, тем более что в книге «Дожила до понедельника» вы предельно откровенны – ну или почти. Что это – невозможность сказать журналисту «нет», или?..*

Ирина Печерникова: Или. Эти четыре человека – мои любимые. Ну а жизнь у меня одна – и история с ними – тоже одна... Да, книга откровенна: я ничего не придумывала и ничего не боялась. Что же касается «нет», то с этими людьми сугубо «личной» территории практически не было, поэтому никаких тайн не су-

ществует. У нас всё «личное» основывалось только на творчестве.

Н. Р.: Вы начали писать «для себя»; первые страницы были посвящены любимым коту и собаке... А как рукопись попала во «Время» – точнее, почему оказалась именно там, случайно? В Москве немало и других издательств.

И. П.: Да нет, не случайно. Мне кажется, во «Времени» есть некие штучные люди; вообще, ко мне там очень тепло отнеслись. Как-то я в шутку сказала Эдуарду Тополю: «Я теперь тоже писательница, у меня столько-то страниц...», а он ответил: «Если что-нибудь напишете, обращайтесь ко мне. Вы же издателей боитесь? А Бориса Пастернака не испугаетесь, не убежите от него». Я и не убежала... хотя и не писатель. Написать книгу и быть писателем – разные вещи. На самом деле, все началось с моих воспоминаний «о ботиках» и с ватмана, на котором были написаны буквы: когда меня только учили обращаться с компьютером, я буквально в ужасе увидела *другой алфавит* (буквы-то в ином порядке расположены на клавиатуре!) – ... и все, ступор, мысли теряются... Потом приноровилась, конечно, и пошло: о Кеше, Флайке... Меня, честно сказать, пугала книга о себе. Зачем о себе, если постоянно спрашивают об одних и тех же людях?.. Ну да, Высоцкий. Даль. Смоктуновский. Тихонов. И я поняла, что обязательно должна рассказать о них. Мне помогала Алла Перевалова – она уйму времени потратила на нашу работу; когда мы творили, я чувствовала, будто мы с ней «одинаковые».

Н. Р.: Вы вот собираете пластинки с бельканто: Карузо, Джильи... А ищете ли хотя бы подобие бельканто в литературе?

И. П.: Любовь к опере у меня детства – не знаю, почему. Так чувствую. К тому же, каждый день – он *новый*, понимаете? Например, я могу встать в плохом настроении – ну, сон приснился не тот, – и поставить, скажем, латиноамериканские танцы: день получается «латиноамериканский»... А иногда хочется Рахманинова – Второй концерт. Или Чайковского. Баха. Брамса – 3-ю или 4-ю симфонию... А «бельканто в литературе»... раньше, до православия, мне очень помогал Восток: Лао-цзы, Конфуций... Увлекалась и Кастанедой; всегда, кстати, интересовалась индейцами. Вообще, конечно, духовные книги *приходят сами*. Жаль, что тогда я не знала Библии, Евангелия... Но, в любом случае, и «Дао дэ цзин», и философия йоги всегда помогали. А однажды батюшка пришел освящать мою квартиру и, увидев «не те» издания, сказал: «Это надо уничтожить». Но друзья не уничтожают: эти книги – мои друзья, которые меня когда-то спасли. Однако сейчас я так крепко стою в православии, что не чувствую потребности в эзотерике. Батюшка, помнится, потом смягчился: «Ты нашла свой Дом, и теперь можешь читать в нем любые книги»... Правильно, точно сказал – ведь если человек не нашел Дом, его может увести куда угодно. Сейчас, кстати, читаю Друнвало Мельхиседека – там и атланты, и духи... Интереснейшая информация к размышлению... мы так мало знаем! А у постели лежит книга Ивана Ильина – он мне понятен. Ну и Евангелие. Там ответы на все вопросы.

Н. Р.: *А что из худлита?*

И. П.: На ночь только детективы, такой вот контраст. Иногда – «Маленького Принца». Иногда хочется Грина, Андерсена... его-то в детстве – наизусть!.. Я вам признаюсь: мы с Лешей Локтевым репетировали когда-то Достоевского. Так вот, мне пришлось перечитать «Преступление и наказание», «Бесов»... о, как я заставляла себя! Но лучше я три ноги переломаю, только не открою больше Федора Михайловича! И, кстати, Солженицына тоже: не мое, совсем не мое.

Н. Р.: *Ну, Цветаева писала, что без Достоевского она «как-то обошлась»...*

И. П.: В шестнадцать, чтобы подружиться с друзьями брата, я «Бесов» читала. Сейчас мне это не нужно – мне теперь и в фильме конец хороший нужен. Я, знаете ли, свою чашу страданий испила... После 2000-го вся жизнь перевернулась.

Н. Р.: *К духовным практикам приходят чаще всего после серьезных испытаний, обычно довольно жестких: иногда только таким способом можно заставить так называемого Ното Соттйпис, он же Человек Социальный, заглянуть внутрь себя. Вы имеете посвящение в рейки второй ступени. Один из постулатов, кажется, «Именно сегодня радуйся»?*

И. П.: «Именно сегодня не сердись!» А началось все в 95-м году. Теперь вот могу лечить кровных, себя, животных, семена, растения... Рассказываю: полтора года назад я вернулась с Мальты и заболела надолго. Тогда и решила позвонить своему мастеру рейки – мне ведь сниматься, а я ни-че-го не могу!.. Так она меня за три дня подняла! С помощью рейки нашла своего

кота – Кеша выскочил как-то из машины, убежал... вернула, в общем. А когда летом он у меня чуть не умер – вылечила. Но рейки – никакая не религия, не «секта»... не все знают, много домыслов.

Н. Р.: *Ошо говорил, что «искусство – это низшее из высших». Найти компромисс между творчеством и духовными практиками порой очень не просто – собственно, это один из главных камней преткновения художника.*

И. П.: Я к Ошо очень странно отношусь. Нельзя, конечно, судить просветленного мастера, но, на мой взгляд, он слишком много чего смешал в своем учении. Ему был Дар... он завораживает, но... искусство, это, на мой взгляд, вход в практики. У людей искусства вообще есть некая «дырочка», с помощью которой и происходит этот процесс вхождения. А у обычных людей – нет. Первые приходят к практикам обычно через творчество, вторые – чаще всего через стрессы. Впрочем, в этом вопросе я дилетант, это интуитивно... А Ошо... его книги меня в свое время буквально вытаскивали – и во многом благодаря им я три года продержалась в театре после смерти Михаила Ивановича Царева. Наташа, а мы точно «о том» говорим?..

Н. Р.: *Точно. О том. Ирина, вы снялись в 19-ти кинофильмах, у вас 20 театральных ролей, 5 телеспектаклей. Есть ли мысли (и силы, что важно) сыграть еще где-то – или главное уже сделано? Хотя, смотря что считать главным – может быть, ту же медитацию...*

И. П.: Неизвестно. Судьба неисповедима. Да, мы с Сашей занимались медитацией. Но все это меня не слишком затянуло – я «скакала» по эзотерике; оставилась на Гурджиеве – мне дальше не надо было... Есть, наверное, какой-то охранный знак. А сейчас если я начала день с иконы, знаю: все будет так, как надо. Это – главное.

Н. Р.: В своей книге «Дожила до понедельника» вы пишете, что работа над фильмом «Доживем до понедельника» – даже не верится, что ему столько лет, настолько он юн и свеж – была и не работой вовсе, а сплошной радостью. А какие эпизоды запомнились больше всего? Были ли какие-то «актерские озарения»?

И. П.: Да это просто аура Ростоцкого! Я тогда этого ничего не знала – да и сейчас не до конца понимаю... Энергетика Ростоцкого – вот что давало радость. Ощущение энергии счастья. Без границ.

Н. Р.: Вы – актриса с театральной душой, хотя известность принесла вам именно кинороль. Фильм Ростоцкого «Доживем до понедельника» – действительно маленький шедевр, стоящий в одном ряду с такими лентами, как «Июльский дождь» Марлена Хуциева или «Короткие встречи» Киры Муратовой. Пофантазируем: если бы в вашей жизни «случилась» такая Наталья Сергеевна, было бы лучше? Нет, не так: что было бы по-другому? Вы пишете, «в старших классах я научилась жить так, чтобы школа мне не мешала»...

И. П.: Школу я терпеть не могла, потому и стала отличницей – чтобы меня никто не трогал; после уроков была абсолютно свободна. А если б Наталья Сергеевна появилась, я бы, наверное, к школе иначе относилась. И с учительницей такой, конечно, постаралась бы подружиться, но... мою жизнь эта встреча все равно не изменила бы, нет-нет. Вообще, я ни о чем не жалею – всегда ведь был только мой выбор. А если он неправильный, то «не надо пилить опилки» – да, вот так. А муратовский кинематограф мне не близок – несмотря на талант, слишком много рассудочности.

Н. Р.: Спорно: талант без рассудочности не талант. Именно она является – в идеале – достойной оправой дара... А вы вот в театральном не любите этюды – вас даже чуть не выгнали из Школы-студии МХАТ за «профнепригодность», она же «неформат». Часто ли вы ощущали этот «неформат» в так называемой обычной жизни – там, где не надо играть... или играть приходится постоянно? Как быть, когда душа срастается с некоей ролью – насколько безвредно подобное срастание?

И. П.: Наш педагог любил высоких, крупных, красивых. Я была другого плана – вот и весь этюд; да что об этом... Беловоронность же мешает только в земных, бытовых делах. Зато людей дарит! На десять жизней хватит!.. О срастании: когда я жила ролью, это было настолько интересно... я не отслеживала, ущербно ли это для меня самой, или нет... То есть что-то в этом, наверное, есть, но я не задумывалась. Слишком поздно, правда, об этом спрашивать.

Н. Р.: Одним из этюдных заданий было, как вы пишете, «таскать на себе мужчину; вот здесь мне не везло». Не удержусь от банального дамского вопроса: для вас какое из двух зол меньшее – таскать мужчину на сцене или «тащить» мужчину по жизни?

И. П.: Хороший вопрос, но... У меня все изменилось с появлением Саши. Я восемь лет ждала, когда мы будем вместе. Поэтому «таскать» не пришлось. Мы не надышались... А если б его не было, сказала бы, что не на сцене. Но Саша – был.

Н. Р.: Нравится мне вот это у вас: «Повторяю: не надо выходить замуж, если ты замужем за театром». То же самое, в сущности, относится и к «замужеству» на музыке и литературе. Много ли лет потрачено на то, чтобы это понять, и сложно ли было принять подобное «открытие»? Одна ушедшая из жизни писательница иронизировала: «Я четыре раза была замужем, но писала по-настоящему только после разводов».

И. П.: Хм! А я сначала схожу замуж – потом пойму, надо или не надо было. А в быту... когда происходит ненужное внедрение на мою территорию, я человека отвлекаю – эгоистично, может быть, но что делать... Например, пришел ко мне кто-то «с чем-то», а мне работать надо. Я говорю: «Знаешь, какой у меня фильм! Как, ты не видел? Смотри немедленно!» – в общем, усаживаю, ставлю кассету, ну и так далее. Или, скажем, где-то интересная выставка проходит. Я – гостю: «Как, ты еще не был там? Беги скорей!» – и отправляю...

Н. Р.: Почти по Чехову: «Мне жестоко мешают, скверно и подло мешают. Пьеса сидит в голове, уже вылилась, просится на бумагу, но едва я за бумагу, как отворяется дверь и вползает какое-нибудь рыло...».

И. П.: Да. Но некоторым людям я, конечно, могу сказать: «Не приходите, работаю». Близкие знают, что я волк-одиночка. Могу уйти в другую комнату и не выйти. Волчонок такой. Но уединение необходимо.

Н. Р.: Что-нибудь скажете о нынешнем театре?

И. П.: Мы с Сашей Соловьевым хотели вернуться. И в 90-е годы бегали на спектакли, как на работу: мечтали найти что-то свое. Не нашли... Уходи понуро. А потом решили делать свою пьесу... Впрочем, я не хочу говорить о спектаклях, на которых была. Но знаете, когда я по фойе ходила, чувствовала: люди истосковались по тому театру, где они получали бы хоть что-то, кроме банального удовольствия... Может быть, я доживу до того времени, когда будут такие спектакли. Однако я не имею права говорить о театре сейчас – много лет не была, не могу судить. Остался лишь осадок тот... надо ведь в театр идти, когда хочешь, а я – не хочу. Может быть, в 90-е я чего-то и не углядела, но я счастлива, что застала театр 60-х, 70-х, 80-х годов: да, счастлива. А как-то приглашал меня Арцыбашев – я видела его спектакли: это очень достойно и очень нетривиально в том смысле, что он *держится*. Он ведь к театру относится, как и я: «В оперетту надо ходить, чтобы развлекаться, а в театр – чтобы что-то внутри изменилось»; в какую сто-

рону – не важно. Подпитаться – или уйти от чего-то, отказаться. Но чтобы после спектакля в тебе обязательно что-то произошло!

Н. Р.: *В конце 70-х, когда вы пришли в Малый театр, Царев предупредил, что актеры будут вас «есть». Года два: театр императорский, с традициями. «И у меня такое опасение, что вы съедобная», – добавил. Часто ли подобное «сыроедение» вам мешало?*

И. П.: Театральная мелочь. Ерунда. Люди, которые со мной работали, становились потом моими друзьями. Вообще, когда много работы, когда мысли заняты ролью, узнаешь все позже... когда уже не важно. И никакой Малый театр не особенный в этом смысле – все театры одинаковые.

Н. Р.: *Вас называли «33 несчастья». Если же посмотреть на них с высоты так называемой нынешней колокольни, то каждое ли из них вы назовете теперь именно несчастьем?*

И. П.: Когда я сломала обе ноги (пять переломов), «Доживем до понедельника» выпустили после цензуры на экран. Я, наверное, тогда могла бы не выдержать всех этих «медных труб»... Вот и лежала пять месяцев; приходили самые близкие, приносили книги, пластинки... Я получала столько писем! С тех-то самых пор и начала задумываться, а почему я сломала руку или ногу – не тем чем-то занялась, значит, не о том подумала... Однако все мои 33 (нет, 133!) несчастья должны были случиться – боль трансформирует человека. Вот старцы много пишут, зачем человеку болезнь: да,

боль... но потом она переходит в другие мысли. Люди становятся другими.

Н. Р.: *Дурацкий вопрос хотите?*

И. П.: А задайте.

Н. Р.: *Ок. Если бы «случилась» еще одна жизнь, что бы вы изменили – и изменили бы?*

И. П.: Я бы попросила у всех прощения. А все, что было со мной, – это СО МНОЙ было, и точка. Это МОЙ выбор. Осознанный.

Н. Р.: *В вашей книге есть интересный портрет, точечный.*

И. П.: Да... Это Юры Богатырева... Съемки «Мартина Идена» уже шли, а у меня был срочный ввод – и дали всего три дня... Мы у Юры в общезнании театра «Современник» разбирали сцены; актеры-то уже работали месяца два. Так вот, я приходила к нему, как сумасшедшая, и говорила: «Юра, это же литературный текст! Мы должны думать о том, что делаем, как смотрим друг на друга – думать о самих действиях!» – а он со всем соглашался... и рисовал: точечками, так вот... Вообще же мы сделали девять портретов Руфи; одну – любимую – у меня украли.

Н. Р.: *Вы с огромной теплотой пишете о зверях. Что для вас они, эти «большие, чем люди»?*

И. П.: Было время, когда я думала, что животных люблю больше людей. За исключением Фляйки, всех своих зверей я подбирала. Я ведь всю жизнь хотела собаку; но так как мы жили сначала в десятиметровой комнате впятером, это было невозможно. В 14 лет появилась двухкомнатная квартира, а собаки все не

было. Но однажды... приезжаю я со съемок, а папа мне: «Осторожно, там что-то черное...» – это была Блэки, невероятной доброты двортерьер... невозможно не любить! Когда я уезжала на гастроли, она, увидев чемодан, уходила – не терпела моих отъездов... А потом: июнь. Свердловск. Съемка. Меня с утра «крутит», и вот я перед спектаклем дозвонилась-таки домой... мама же врать не умела: Блэки не стало... а мне играть комедию Островского «Красавец-мужчина»! Говорят, хорошо сыграла... Потом уже, когда подходила к гостинице, увидела, что на парапете лежит... *моя Блэки*, и на меня смотрит... Кожа да кости! А на дворе 71-й год – не то что животным бездомным, людям есть нечего. В общем, подобрала я собаку: Ивкой назвала... А Флайку купила на Птичьем, хоть и грустное это место. Он на меня буквально «упал» – у хозяйки был воротник поднят, а в нем – щенки... так вот Флай на меня и свалился... Американский кокер-спаниель. Ну а кота Иннокентия принесла со двора, когда котята под зиму родились...

Н. Р.: *Вас часто называют «женщиной-девочкой». Какие из детских воспоминаний вы пронесли через всю жизнь – точнее, как они повлияли на ваше творчество и повлияли ли?*

И. П.: Я очень мало видела маму с папой, и в воскресенье мне разрешали ложиться между ними в кровать... И тогда папа мне рассказывал сказки по заказу, абсолютно волшебные. И я верила в чудеса – абсолютно реально верила в чудеса... А так как они случались, я в них верю до сих пор: это в профессии очень помогает.

У меня чуждая, добрая семья. Наверное, все от этого и идет. И образ «женщины-девочки» в том числе.

Н. Р.: *И напоследок: главное слово в жизни – слово, которое вело, ведет. Или фраза. Есть?..*

И. П.: «Завтра наступит завтра».

17 сентября 2008

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА